

Владимир ЗАГРЕБА

Русские танки и танкетки

Vladimir ZAGREBA

**Russian Tank(a)s
& Tankettes**

Французская пресса о
русском писателе-
парижанине и его
последней книге
"Летающий верблюд":

Успех, который волнорезом
идёт вразрез с
общепринятыми нормами...
- Marianne

«Коктейль» - но не «
Молотова», а Владимира
Загребы, который уводит
читателя в свой ни на кого
не похожий мир. Иногда
ассоциативные идеи
(иудеи?), иногда –
семантические или
фонетические связи, иногда
- принцип «русской
матрёшки русской»:
думаешь – одна, а оттуда –
дюжина: события, прошлое,
настоящее, будущее... в двух
строках, страницах, десятках
и даже сотен...
Необыкновенный человек –
такое же повествование...
- Le Quotidien de médecine

Русский Джойс.
– Le Nouvel Observateur

РУССКИЕ

ТАНКИ И ТАНКЕТКИ

Владимир Загребѧ

2008

Franc-tirezur/Lulu

USA

© 1994, 2008 Vladimir Zagreba
Author photo © 2008 Jeanine Mignot

ISBN 978-0-557-01094-3

All rights reserved.

Printed in the United States of America.

Владимир Загреба

Русский Джойс

- *Николай Боков*, Париж

Загреба не похож ни на кого. Но я бы вспомнил и другое имя,
говоря про замечательного прозаика/поэта, который
поддерживает свою писательскую авантюру врачеванием в
Париже. Да! Угадали. Луи-Фердинан Селин.

Но только веселый.

Либиноносный.

Полный радости и любви к тому, что жизнь.

- *Сергей Юрьенен*, США

Русские

танки и танкетки

Владимир Загреба

Вчера привез на танке сто блядей.

Чтоб было все у нас как у людей!

С улыбкой развязала кимоно Но просишь
отвернуться Большие чувства Маленькая
грудь

Рубоко Шо

перевод со старояпонского Питера Энгра

НОЧИ В КОМЕ

Тогда...

Десятый век. Японская Клеопатра, Оно-но-Комати, влюбилась в принца. Что же тут особенного – все влюбляются в принцев. Но эта ночь была все-таки особенной, такой неожиданной. Все источники сходятся – принц был ее первый любовник. Эта ночь так потрясла ее, как и всех начинающих куртизанок, что она предложила принцу Фу-ка-Кеси продлить удовольствие. Счастливые любовники решили провести вместе сто ночей (везет же людям!). За одну ночь до конца срока принц не выдержал малотки. Фу-ка-Кеси скончался от разрыва аорты.

Оно-но-Комати была тонкая поэтическая «штучка». Убитая горем неутешная любовница и вскоре неутешная куртизанка «Оно-но-Комати» не могла найти себя полностью в изысканных утехах, зато ее лирические излияния – «танки» – вошли в душу советского академика Н. И. Конрада. За восемьсот лет до этого другой страстный поклонник Комати, Рубоко-Шо, написал в ее честь или, как бы это сказать, «бесчестия», девяносто девять «танок». Никто не знает, как современники «семи самураев» отзывались на это «рубоко-шо», но точки зрения советского академика и его предшественника по литературным вздохам – Рубоко-Шо – совпали.

Потом...

Прошли восемьсот лет. И вот в 1985 году на книжном базаре в Киото японский любознательный миллионер Кино-Кавабаки «раскопал» старинный пергаментный свиток. К явному удовольствию всей любовночитающей японской публики найденный свиток оказался настоящей «секс-бомбой».

Что тут поднялось! Не нам, не знающим ни старо, ни новояпонских языков, судить об этом. Не даже бедному мультимиллионеру Кино. Непонятно почему – последний в 1987 году внезапно скончался в борделе Лиссабона, не оставив завещания – «ёкнуло» сердце, но оставив зато бедную вдову – Ёко Кавабаки.

В этой прямо-таки «киношной» истории Кино Кавабаки, «танковый» продолжатель веселого Рубоко, доказал неожиданным концом своей жизни, что вековые эротические традиции не исчезают бесследно.

Теперь...

Но «танковую» традицию имеют не только японцы. Мы, русские, подняли этот «малый жанр бесхитростных лирических излияний» (В.Борз) на огромную творческую высоту. Мы, русские, сидя в последние шестьдесят четыре года в танках разных типов, на разных территориях, в разных климатических условиях, смогли довести пятистрочную трепещущую эротическую танковую традицию до двух-трех строчной пронзительной русской формы – «танкетки», и даже до ее трехбуквенного сочетания. Это сочетание – лаконичное, мощное, выражает все оттенки, все чувства, все дорогие нам мысли и ценности.

Что думает, сидя в танке, восемнадцатилетний принц из Таманской дивизии?

Что думает майор, смотрящий в утломер?

Что думает подполковник Сидерюк?

О чем думал безутешный полковник Подлиза?

Русские танки и танкетки

А что думали командиры дивизий, танковых корпусов, армий?

Наше короткое, мощное, бесхитростное лирическое излияние связало всех в единое целое. Все в русских танках, начиная от простого механика-водителя и кончая командующим танковой армией – все – крупные мастера «малых простых бесхитростных» форм!

Вы сомневаетесь? Откройте книжку, может быть она напомнит вам девиз бедного генерала Ганса Гудриана: «Танки, вперед!»

Постскриптум:

Чтобы избежать сердечно-сосудистых осложнений, как то: разрыв аорты или остановка сердца, автор начинает танковый счет с сотого «выстрела – ночи», а не с первого, как у Рубоко!

Чтобы окончить эту танково-русскую «кампанию» автор вместо 99 танковых сонетов – «ночей» – выставил целый танковый полк – из ста свободных танковых «выстрелов» и «залпов»!

И наконец, автор не краснеет от всей этой нецензурной брани, нецензурной «брони», нецензурных «издержек». Все эти особенности «танкосложения» или «танкоразложения» – база боевого духа наших танковых войск.

Клянемся на снаряжном ящике!

Владимир Загребя

Автор никого особенно благодарить не собирался, но сердцу не прикажешь...

Оно (сердце) тянется:

- к Леночке Саямон в Израиль за танковые русские книжки и рисунки,
- к Сане Анейчику из Санкт-Петербургской "Авроры", так и не давшей ни одного залпа по нам,
- к гражданину мира Хвосту, никакого отношения ни к миру, ни к танкам не имеющего,
- к бывшему командиру «ночной ведьмы» Игорю Арчугову, играющему за «пару копейку» в метро «Шарль-де-Голль» на гитаре,
- к Еноту, случайно зашедшему на танковый «огонек» после «переплетной» ночи,
- к Алиске Тилле, перепутавшей, как всегда, мужей и «страны чудес»,
- к Маше Марамзиной, беременной «королеве компьютеров», в три минуты выплонувшей на Севастопольском бульваре «русские танки» в чистом виде,
- к Грише Кипнису – специальному корреспонденту газеты «Частное дело», а также «почетному» истребителю 1008-го истребительного противотанкового артиллерийского полка,
- к Ниночке Васильковой, чей голос разбудил весь Уй., напомнив его обитателям, что где-то есть «сладкая жизнь»,
- к Марку Трибуяру и Каролин Зильбер, которые решили натянуть русские противолодочные сети на высокие Альпы Грено-бля,
- к мадам Лефевр и мадам Дюбуа из «Телекома», официально предупредивших автора, что счет за последние междугородные звонки будет «международным»,
- к грустным беарнским глазам Франс Требюк, совершенно не понимающим весь этот танковый «сброд» и «сбор», в Париже, в августе 94,

Русские танки и танкетки

к израильской военной цензуре, три недели изучавшей частно-танковую переписку,

а также

к своей размытой памяти, которая сохранила запах оружейного масла

и танкового стойбища

Владимир Загребя

Выстрел 100 – «Разрывной»
Заправляйте баки – Кино Кавабаки!

Выстрел 99 – «Девятивальный»
Танк – девятый, день – девятый
лейтенант на мне девятый

Выстрел 98 – «Болванка»
Три танкиста, три веселых друга..
Кто отец? – задумалась подруга

Выстрел 97 – «Практический»
Она была подлюга –
Еблась с другим, вертлюга!

Выстрел 96 – «Холостой»
Вся рота в один голос: «Дембель!»
Сломалось слово... Слышу: «Ембель!»

Выстрел 95 – «Вилка»
Эротические пушки привезли твои игрушки,
эротические танки увезли мои останки

Русские танки и танкетки

Выстрел 94 – «Осечка»

Чихнул мотор и вздрогнул карп.

Уснула Ида-Контр-эскарп

Выстрел 93 – «Системо-пробный»

Лучше уж тахометр!

На хер мне термометр?

Выстрел 92 – «Осколочно-фугасный»

Колонна «ведьм» вошла в поселок.

Как быть, отец? – Готовьте «телюк».

Выстрел 91 – «Прямое попадание»

Большая грудь и маленькие чувства...

Беременеть под танками – искусство!

Владимир Загреба

Залп 90 – «Cosi fan tutti»

– Сегодня всем полком, ведь мы не на диете, мы будем петь, дурачиться, как дети! – воскликнул старший лейтенант Жратва. Вокруг

него столпилась братва.

– Чтобы поднять ваш уровень культурный – и снизить мой, немного физкультурный, к нам в 9.27 после обеда приедет Моцарт из месткома, в парике, в своей машине старенькой «победной». Отбросьте на сегодня все дневные мути – его шедевр зовется «Cosi tutti», а впрочем между ними стоит “fan”, послушайте меня, я не совсем профан. А кто не любит до-ре-ми-фа- соль, пойдет на кухню очищать фасоль!

– Зачем же Моцарта вбивать таким манером, – Величко, изогнувшись кавалером, стал портпаролем ачущей братвы, глаз не спускавшей с трехзвездной Жратвы.

– Я не вбиваю. Я придумал сцену. Я месяц разрешаю мизансцену. На танке глотку драть не каждый может – только один успел «броневичоку» стреножить! А может, двое... Был там «Белый дом»... И что случилось при белом доме том.

– Да, я забыл сказать вам сгоряча, любителям скрипичного ключа, что едет к нам не Доницетти, а хор завода «Сакко и Ванцетти»!

Месткомовский хорал нам хором даст Моцарта! (Дрожим перед Жратвой, нам не сдержать азарта!)

– Ванцетти знают все, и Сакко тоже знают! И школьники, держа в зубах карандаши, зубами Сакко и Ванцетти понимают.

– А кто такие Сакко и Ванцетти? – спросил Хрящев в оранжевом берете. Я кончил только семь и ремеслуху... Мне очень трудно понимать по слуху! Уж лучше, на фиг, выйду на фасоль – картошка с солью – та же ре-ми- соль!

Жратва решил опять начать сначала: «в любой занюханной глуши и на причале: на стенах и на партах малыши огрызками грызут свои карандаши... Нет, нет... увы, не

Русские танки и танкетки

Доницетти, не надо ноту высоко, а только фабрики Ванцетти и Сакко!

– О чем же я? Месткомовский хорал нам Моцарта привозит «на ора!».

Братва заговорила сразу:

– Ну, на фиг, доницетову заразу!

– Сусанина! Не Сакко и Ванцетти!

– При чем здесь карандаш и дети! При чем тут «в зубы» и огрызки?

– А «козьи» чьи?

– Чьи «козьи» козни?

– Я понимаю только tutti frutti – сказал Величко, портпароль полка, всосавший в детстве книгу: «Сын полка»!

– Ах, если уж на то пошло, то «ухнем»! Хованщиной иль с саблями грузина, не то наполнится фа-соля-ми корзина!

– Не оперу давай, а оперетту! Мы сядем все на нотную диету!

– А как же мизансцена? Бархат? Маски?

– Мешок забытый запоздалой ласки?

– А хор месткома «Сакко и Ванцетти»?

Вот был бы жив бедняга Доницетти, вот был бы жив угрюмый, нежный Глинка!.. А Мусоргский? Вот пьяная картинка!

– Я сцену представляю: глотка настезь, по сцене бьют прожектора и фары, и танки... Башнями, стволами, ню-ню-фары!

Жратва забылся! Сердце Мейерходко! Вдруг всем открылась оперетта – самоходка! Оттаяло, размокло, вышла Ольга, что делает с утра карандаши на Волге, на токарном, на «Сакко и Ванцетти», а вечером поет, как Моцарт в Доницетти! Что это – сон? Что это – сказка? В военном войске близилась развязка! В военном войске непонятны «Così tutti»!

Владимир Загреба

Конец! На кухню! Семьдесят парней, чеканя шаг, фан-тастик-идутти! Все, кто не любит ре-ми-фа и соль – пошли готовить фасоль!

– Прости, Жратва, но Моцарт из месткома, не нашего столичного разлома, не может ноту взять, настроить ключ скрипичный – на нас, на нашу жизнь, на наш стакан «столичной»!

Сказал Жратва: «Культура в до-миноте всегда приводит к нездоровой ноте». Сказал Жратва: Переведу вам, дяди... «Fan-tutti» означает «бабы-бляди»!

Выстрел 89 – «Боевой»

Смотрю я в оба в триплекс.

Найти желая симплекс

Выстрел 88 – «Системо-пробный»

Отдай ты Нинке банник –

прочистить свой ебальник.

Выстрел 87 – «Хреновый»

Я с удивлением смотрю,

что угол хрена уже перевалил за угол хрена!

Русские танки и танкетки

Выстрел 86

О чем я думаю везде...
об одноразовой п....

Выстрел 85 – «Мимозный»

Под танком с Томкою весь день
ебли вдвоем мы Женский день

Выстрел 84 – «Системо-пробный»

Майор вцепился в угломер,
а я – под ним... Какой замер!

Выстрел 83 – «Бессонный»

Закат смыкается с рассветом,
но почему ж я все об этом?

Выстрел 82 – «Недолет»

Подполковник Сидерюк
показал мне новый трюк

Владимир Загреба

Выстрел 81 – «Крупнокалиберный»

Для «калибра» главного берегу я... с давнего...

Выстрел 80 – «Осколочно-футасный»

Ты мой последний туз – сдавайся, танкопуз!

Загл 79 – Русский роман

Фельдгегерь Долговой Семен Петрович вертел в своих сосисочных руках веселую открытку. Промелькнуло: зачем-то я тебя целую в чем-то, ах! На фоне голубого моря качалась пальма одиноко, с горя. Кому? Не верится, Сергею для сюрприза – твоя по жизнь – веселая маркиза! Ах, мать твою! с Маркизных островов – Светлана Соломонна Блох!

Сергей Темнов был вроде парень свой, как все входил свободно в перепой... как все с трудом, но все же лихо, справлялся с жизнью серой тихо, как все, в субботу, в угол кинув банник, искал, как бешеный, что выпить и ебальник. И вдруг открытка с острова Маркизы – придется доложить полковнику Подлизе! Семен Петрович оттолкнул в сторонку сосисочной рукой всех новостей воронку, взял телефон и вдруг воткнул свой палец, как сосиску, в кадан, что вел наверх к полковнику, по списку. До праздника осталось две недели, и был приказ, чтобы повсюду бдели!

– Фельдгегерь Долговой!

– Держу открытку. Какой-то Блох маркизы... Сержанту Темному подписано, с сюрпризом!

Русские танки и танкетки

– Что на открытке?

– Голубые пальмы, и номер нашей части дальней!

– Что подозрительно?

– Не знаю, вот вам бог!

– По-мойму, подписи: ведь – маркиза Блох! И остров, где живет сама маркиза.

– Как интересно, – поощрил Подлиза, – Маркиза Блох с Маркизных островов... А

этот остров, слышал я когда-то, содержит сотни две совсем не бедных вдов!

– Зовите Темного, я к вам спущусь стрелой.

– Да подождите, пусть зайдет майор Алой!

Подлиза через две минуты уселся на столе. Похоже карты дуты. Держа в руке качающую пальму, он глазом устремил полет мечты фатальной.

– Маркиза там, маркиза – здесь...

Вошел Темнов.

– Ты можешь сесть. Скажи, Сергей, ты знаешь Свету Блох? Ее

конец не так совсем уж плох...

– Откуда вы все знаете про Светку?... Да, жизнь ее похожа на конфетку! Не то что наша – в шлемофоне, она всю жизнь висит на телефоне! Вы знаете... я с ней учился в том же классе, но не могу тягаться с нею в классе! Красавица она была, хоть и еврейка! Женилась на полковнике Огрейко! Я был на свадьбе, как почетный гость. Огрейко ластился. Так держит мясо, кость его кобель по кличке «Страшный Гость».

Подлиза завертелся. Как-то странно. Маркизова еврейка... Расколоть жеманно! Проснулася в полковнике струя.

Владимир Загреба

– Сережа, как-то ты запутываешь зря. А новости ты получал от Светы? Ну, скажем, поцелуй иль приветы? Все знают, что полковничий жены, ну, как бы это... «плохо обожжены»!

– Не видел Светку я, наверно, лет уж пять, наверно – генеральша, извините, блядь! Я здесь в дыре, как шар, забитый в лузу, и очень трудно мне, сидя в такой глуши, мешать блестящему трехзвездному союзу.

– Ну в этом, брат, ты прав, – сказал майор Аллой, войдя в сюжет квадратной головой.

– Мешать полковнику в кровати, надеть спецовку иль пиджак на вате!

– Васильич, чудеса! Кружится голова! Полковники, маркизы, голубое море, еврейки на Маркизных островах, что пишут нашему сержанту с горя. И номер нашей керосинки-части похоже зазубрен и выучен на части! Я вот сто лет сижу полковником, Под-лизой, под пальмой не сидел, под дубом только – с Лизой! А здесь – сержант, маркиза, Света Блох, полковничья жена, я, кажется, оглох! Обязан я следить! Морально я обязан. И не понять никак, кто, как и чем завязан с полковником. Я перед ним обязан! А если бы я был не я, а тот, полковник, с еврейкой-генеральшей, кто виновник?

Сержант, полковничиха, право... На фоне голубого моря – браво! Пойду под Лизу я, и нализуся с горя!

Майор Аллой, одернув китель, сказал, придя в себя, мыслитель:

– Сюжет ведь для романа чисто русского, хоть тема про еврейскую любовь для танковых движений – очень узкая!

Выстрел 78 – «Поражение»

«Живой упрек» для родины,

примите нас, уродины!

Русские танки и танкетки

Выстрел 77 – «Недолет»

Ты лежала Махой, пришел Гуревич с бляхой.

Выстрел 76 – «Холостой»

Танк увяз в ромашках – лифчик виден в кашках.

Выстрел 75 – «Поражение»

Какая на хуй там, Джульетта?

Ебали ротой! Было лето.

Выстрел 74 – «Учебный»

С шестью блядами ночка, ах!

Порядок в танковых войсках!

Выстрел 73 – «Дыхательно-вкладышный»

Ты дыши, дыши, дыши...

Вынем, в бога, вкла-ды-ши!

Владимир Загреба

Выстрел 72 – «Системо-пробный»

Наш «урavnительный бачок системы смазки»

поможет новичкам перенести «салазки».

Выстрел 71 – «Кумулятивный»

Ты замерз, Ропшин, приятель?

Я – твой танко-нагреватель.

Выстрел 70 – «Прямое попадание»

«Иосиф Сталин», «Фу-ка-кеси-ю»

– что общего? Ебет вопросик

Выстрел 69 – «Мужской»

С танковыми блядами выглядим мы – дядями!

Русские танки и танкетки

Залп 68 – Счастливый «Миг»

– А честь – не целка, что ее беречь, придется все же нам неглавным пренебречь!.. – сказал Семенов, расставляя речь, чтоб слушателя, так сказать, увлечь. Огромное, под три звезды, плечо погоном в глаз лупило горячо.

– Так вот, вчера опять нас обошли! Румянцев, посмотрите, до чего дошли.

В бумаге под секретными «ключами» Сергей Васильич прочитал очами: «чтобы помочь... украли поезд танков... в трех километрах от Загранков... остановили... ценности... страны... сам Карацупа... и в намордниках... сыны...»

Сергей Васильич посмотрел на генерала: «Ах! Блядство! Сорвался!»

– Не даст мне дама...! И в Цюрихе не вздернут душу пачки, жизнь закобенилась, друтой катает тачки.

А в Воркуте твой друг и плут Неряшко загнал плутоний, не вспотела ряшка! а здесь одни сплошные «керосинки». А, кстати, кто сегодня в 6.03 штаясь выходил от Зинки? Егор Петрович, я вам отвечаю, пока схожу и принесу вам чаю, а после мы подумаем про честь, как Вы умно сказали: «что беречь...»

– Румянцев, мой свояк, доносит из Кронштадта, они продали сети Штатам!

Какие сети, «шпионажа»?

Ну как вам в голову придет такая лажа, простые противодочные сети. В Гренобле горы, и французы – дети, хотят пожить еще на этом свете! Все просто, камни, валуны. Все падает на них с луны! Чтоб защитить свои дороги и людей (хоть эта нация, все знают, из блядей!), решили натянуть на скалы сети. Чекаловский завод теперь за все в ответе! И каждая железная петля – по восемьсот долларов, бля!

– Румянцев, не решишь такой вопрос – не появляйся, я тебя – в разнос.

Владимир Загреба

Огромное, под три звезды, плечо погоном в глаз ваупило горячо.

– Егор Петрович, – тут подумал я, – пусть будет мне крылом, броней земля...

– Чего?

– Вчера по Би-Би-Си я слышал: полковник Кисин, что в Сычи, решает все проблемы мигом. Он деньги добывает «МИГ'ом». Каналья чех свой «МИГ-21» использует на доллары один! Катает он от полосы до взлета любителей. «Зеленая» работа! Бензин, ракеты и фигуры пилотажа приносят доллары, а вы ворчите – лажа!

– Вот, зврика! Вот, зврика! Находка! А сколько можно «вынуть» за «автонаводку»? За лазерную пушку? Самоходку? Поставь хоть в детском доме гаубицу – потрогать винтики, погладить – голубицу! А в лагере веселом пионерском... катите БТР, и с сердцем, и слезой любой в штанах, пацан отдаст копейку, рубль, марципан!

– Ну, это ты загнул! Ну, это ты уж слишком! Хочу как эта блядь, полковник Невелишко, сидеть у танкера сегодня на «гражданке»... Он ручку повернет (к ебене фене – танки!) на три минуты, переключит кран, и в Цюрихе – доллары на таран! А после – вечеринка с Генриеттой, в отеле «Пятый Жорж»! Я здесь гнию, как морж!

Огромное, под три звезды, плечо от гнева застонало горячо.

– Что распродать? Семью? Ее никто не купит!

– Как эта задница лениво водку лупит. Не может дура, Мари Ванна, поднять свой лифчик и чулки с дивана. Фуражку? Ишь мундир парадный? Портрет Горба – ведь он такой нарядный? Бензин, солярку, керосин, селедку... ты же громадный чин – то знать тебе положено почину, давать огромную овчину-водку!

Егор Петрович вдруг осел и глухо сказал (оглохло, подвело опять Румянца ухо):

– А, часть не целка, что ее беречь, придется все же нам неглавным пренебречь!

Русские танки и танкетки

Выстрел 67 – «Поражение»
Включите габаритные огни!
Ебемся мы в танкетке не одни.

Выстрел 66 – «Высокочастотный»
Эй, «Семнадцать»! Сука! Блядь!
«Разрывным» начнем ебать!

Выстрел 65 – «Лунный»
Я включил опять «ночник».
Разыгрался – де-воч-ник!

Выстрел 64 – «Боевой»
Ты надо мной начальник,
раскрою мой хлебальник!

Владимир Загреба

Выстрел 63 – «Поражение»

Три строки,

и «танк» готов!

Вас ебал майор Петров.

Выстрел 62 – «Системо-пробный»

По радиии меня спросили бляди,

– Готов ли экипаж к приему Нади?

Выстрел 61 – «Прямое попадание»

Как это чувствуешь ты ловко,

устало спит «боеголовка».

Выстрел 60 – «Системо-пробный»

Жеребьячим жироскопом

улеглись на Таньку скопом.

Русские танки и танкетки

Выстрел 59 – «Зимний»

Снежинка плюхнулась на скат.

Какой ты оказался гад!

Выстрел 58 – «Ослепляющий»

Прожектор головного танка

лизнул твой клитор спозаранка

Зам 57 – На босу ногу...

По небу облака цветов мазута ползут не в магазин, а в Вознесенье, но в это «боевое» воскресенье, похоже, никого не вознесут.

Я прикрываю козырьком лицо, и плюхаюсь с водителем Сироткой. Его «будильнику» дико пахнет водкой и красный нос глядит в мое лицо.

– Помчались, док, – рычит протяжно он. Похоже, что заело граммофон. Специальной «оживительной» машины то жизнь, то смерть вдыхает воздух в шины! Мы целый день «рожали», и скрижали пытались нас дожать, но не дожали.

На перехват, к машине из парадной, мелькнул ноги кусок девически прохладной.

– Володя, срочно! В галифе несчастье, полковник Громов, торопит причастье!

Владимир Загребя

Вперед! Врываюсь я в покой приемный, боже! Полковник, где по звездам и по роже? Зеленый, синий, черный, голубой, похоже, принимает бой последний, похоже, притащили на убой... И это тот, который вел полки, перетянул, загнул, не затынул колки.

– На пол героя! Эх-бы, массажистку! Чтoб генеральный сделала массаж... К едрени все!

И мысли утописта я утопил. Растянут пересказ.

Открыл ему с трудом я зубы. Пасть. Не промахнуться. В глотку бы попасть. Массаж «закрытый» этой туши – невиданный в подобной глуши!

Кардиоскоп молчит, давленья нету!

– Кто там стучит?

– Откройте свет!

Товарищ лейтенант, не знаю как и что. Но что вам доложу, случилось «нечто»!

Сержант, вы что, опиздинели. Не можете – сходите к Нелли! Она по половым и нервным.

– Товарищ генерал не дышит. «Первый»!

– Где он?

– Сейчас, его уж тащут!

– Как с Грозовым? Продолжить «соучастье»? Вставайте на колени и дышит в рот. Массаж «закрытый»! Без него помрет!

– Вперед! вон тащут генерала. С полковником не прерывать аврала!

– Куда прикажете?

– Вали его на пол!

– А валидол?

– К ебени валидол!

– Смирайте китель!

Русские танки и танкетки

– Там... Пол-банки за коня...

– За генерала ставлю банку!

Со шприцем кинулся, адреналин, стеклянку... Евгений Власович со шрамом лежал, раздетый нелегально, срамом! Массаж, укол, и в сердце боевое всадил иглу.

– Похоже, с перепоя!

И я опять «рот в рот», «рот в рот» – не дышит блядский «бегемот»! А как же первый наш, полковник Громов, еще не ожил? Я не слышу громов. Еще вчера рычал, метал. Сегодня – тих, не выдержал металл! Конец, наверное. Вот жизнь – сюрприз! Вчера при аксельбантах, блядах, сегодня отчего и почему – под тихий бриз, товарищ генерал, и толст, и гол лежит при дядях!

Я – «в рот и в рот». Шевченко – на груди. В дверях заметил медсестричку Дину.

– Володенька, прости, не смею вас отвлекать...

Я вижу лифчик, падающий с плеч...

– Егоров тоже! Все решились лечь?

Опять полковник! Сколько еще будет? Не оживлю – меня уж тут не будет! Дверь хлопнула и, за ноги влеком, Егоров появляется – «зампом»! Я обалде! Бандиты или диверсия? И та, и та – открыта настежь версия! Не может быть, чтоб генералы и полковники валились в «драбадан» и в «стельку», а не с блядищами в постельку!

– Володенька, а долго еще «в рот»?

– Хоть два часа, пока не оживет!

Давленья нет и сердца нет, и жизни. Похоже, жизнь вручается отчизне! Массаж – Егорову! Не оставляйте Женю! Похоже я сегодня отъебеню от капельниц врачей десятка. Жизнь – не подарок – психопатка! Чтоб танковый дивизион свести... Полковников – как знать? А уж Его – спасти! Евгений Власович – столь важный командир, не «вознести» его – штрафбат, прощай, мундир!

Владимир Загреба

А Дина шепчет мне на ушко:

– Володечка, полковник Сушко...

Опять полковник, и опять не дышит, полковничьей звездой не колышет.

Не может быть! Ломлюся я в грудину. Вот так бы мне вчера ломиться снизу в Дину. И тут вломилась в двери генеральша:

– О, Женечка!

– О, Женечка!

– Я без тебя – твоя Евгеничка..!

Вдруг генерал зевнул и тут кардиоскоп «кривой» дал, подмахнул «подскою», опять «подскою», потом еще, еще... и выплеснул в экран «бип-бип» надежд и слез, и ран!

Егоров, «спит»! И Громов «спит»!

И Сушко! И нить их жизней не протянешь в ушко. На все про все – за блядство и заслуги – лишь пять минут господь дал за «услуги»! А после уж на кладбище, в закутке. «Интернационал» пусть тянут, проститутки. Евгений Власович порозовел вдруг тихо. Похоже, лихо – отпустило лихо! И генеральша толстая в дверях, чуть-чуть порозовев, сказала тихо: «Ах» Евгений Власович вдруг вздрогнул, поднял око, его живот скакнул огромным скоком, и вдруг присел:

– Где я? И почему груди моей волосья вдруг вздыбылись, как вопли безголося?

– Егоров, где?

– И Громов где?

– И Сушко..?

– Да раздавили мы две склянки на «ушко». Нет, не перцовку. Что-то было черное. Алтаем пахло это аакогельное! Сушко сказал: для «органов» и тела... «раздавим», чтобы жизнь – «закобенела»! Перепились, «перепела»? Вы помните, в четверг – ученья... Без блядей, в 6.00 стечение! Но почему я на полу? Березкину – ебу одну! Тебе скажу по-генеральски: я жопой – варвар, но люблю по-гальски!

Русские танки и танкетки

На кладбище три танка дали залп, три раза – за Егорова... и Сушко, за Громова (впервые грохнул пушкой), за жизнь, за смерть... перцовку и отвагу... Березкину, что «продалась» завмагу... Дремуча жизнь... Дремучие полковники... Дремучи генералы, подполковники... Дремуче все здесь... облака мазута напомнили, что жизнь пред водкою... разута!

Выстрел 56 – «Садовый»

Катки, катки... От кадки и до кадки мы катимся в ебенном беспорядке.

Выстрел 55 – «Номерной»

У тебя я был трехсотый.
Бог войны гордится ротой.

Выстрел 54 – «Поражение»

Ищи мое бог
в железной дрожи блядства!

Выстрел 53 – «Астматический»

Пришел еврей Гусматик,
принес свой хуй-астматик.

Владимир Загребя

Выстрел 52 – «Случайный»

С надеждой мою мой «казенник»
придет мой ебарь-оказенник.

Выстрел 51 – «Дисциплинированный!»

Вьшолняю ваш приказ:
«Голой жопой – напоказ»!

Выстрел 50 – «Практический»

В люльке мы содержим «пушку»
нашу .Ляльку-потаскушку.

Выстрел 49 – «Поражение»

Не Фауста мне жалко, не патрона.
А Маргариту? – С ней пизда-матрона.

Русские танки и танкетки

Выстрел 48 – «Органический»

Ты ко мне приставлена от «органов».

Я – ножом по жопе: «Ванька Дерганов».

Выстрел 47 – «Цель накрыта»

Я не о цели думал,

а о целке...

Туман в телескопической при-цел-ке.

Залп 46 – Капитанская дочка

Ой, как мне хотелось перед тем, как завести этот ебёный дизель, выебать дочь капитана Марину Стенькину, а «Капитанскую дочку» того Пушки прочесть...

Бой начался. Ничего не успел. И Петров тоже горит!

Выстрел 45 – «Ручной»

Двумя руками раздвигаю ноги...

Под танками мы вечерами – боги!

Владимир Загреба

Выстрел 44 – «Галерный»

Твоей любви дубовое весло
меня из танка в жопу занесло.

Выстрел 43 – «Холостой»

Не жизнь, а сука, друг Маркуша.
С женьбой! Лиза-волокуша.

Выстрел 42 – «Ванько-встаньковский»

Под гусеницей... Жалко Маньку.
Здесь не играют в «ваньку-встаньку»!

Выстрел 41 – «Рыболовный»

«Клевою», «клевою», опять «клевою»,
пизда дрожит, как поплавок.

Выстрел 40 – «Скрипичный»

Ведомый вал, вибрирует земля,
искал я в жопе соль, а прозвучало – «б-ля»!

Русские танки и танкетки

Выстрел 39 – «Практический»

Тяжелое наследство:

еблася в танках с детства

Выстрел 38 – «Бронебойный»

В танках есть романтика

– холод, блядь, два бантика.

Выстрел 37 – «Усталый»

«Сияла ночь, тобой был полон сад...»

Устали мы от танковых засад.

Залп 36 – Медичи

– А правда ли, что Медичи любили своих художников и здорово платили? – спросил дежурного по гауптвахте художник «в мире», арестованный на вахте, солдат Семен Борисыч Бахтин. Майор Загулов, потянувшись в кресле, раскинув руки, протянувши чресла, ответил, отхлебнув со звуком чаю:

– Про Медичи не знаю, отвечаю, но слышал я про королеву Машу... Травила, блядь, сестру, жену, папашу... А почему она тебя интересует?

Владимир Загребя

– Сидим на нарах двадцать суток здесь. Ребята здорово рисуют! Хотим мы сделать ваш портрет! Хотите с чаем, за качество погона отвечаем! Два метра на один, иль метр сорок пять, на шесть. Уверен, что Собакина собака Стерва от восторга разинет пасть, поднимет от сюрприза шерсть! Солдаты Пятницкий, Тостенко, Огурцов рисуют так, что удивят отцов. В любой классической манере. Представьте: вы – испанским кавалером, на лошади, в медалях, орденах. Уверен, ваши дамы скажут: «Ах!» Или дежурных, старшину Дроздуху, что мне грозился дать за чем-то в ухо! Сержант Собакин со своей овчаркой в манере русской – голой бабы с чаркой.

– Идет! – сказал лукаво командир.

– Пойду, переменю мундир! Но чтобы было все о'кей, похоже, и лапами собаки и по роже.

– Собакин! На работу не водить! Отставить!

А ежели похоже, можно «сто» поставить! Но только – «сто», и уж никак не «двести». Найдём мы Медичей у нас своих на месте!

После обеда жалкого – «загул». Сеанс открыт. «Почетный караул». Сергей Бахтин натягивал полотна, свистя лениво «Караван» комплотно. Облокотившись в обветшалом кресле, взяв трубку телефона и сигару – вместе, майор Загулов, не уйдя в загул, сидел с газетой гауптвахты: «Караул!» Володька Пятницкий, в потертой гимнастерке, что выменял за два рубля в каптерке, мазком, в манере Модильяни, «лепил» погон с звездой на диване! В трех метрах от него, осканив морду жарко, пускала пузыри Собакина овчарка. Собакин же в парадном одеянии сидел на стуле, а не на диване. А рядом Санька Огурцов, что начал «Муху», увечил на холсте случайном Стервы ухо. А чуть подальше, в коридоре старшина Дроздуха боялся шевельнуться, но вопрос на ухо: «А правда ли, что Медичи-врачи, были ежовщины предтечи и грачи?» Его художник Тост – автодидактом провел черту, довольный этим актом, вздохнул глубоко, дым от папиросы:

– Кто вас просил задать двусмысленно вопросы, да и еще в мое солдатско ухо, товарищ старший старшина Дроздуха?

– На вашу морду положу я тень, вас не признает и плетень. А уж потом... Хрен с нею, про молодку!

Русские танки и танкетки

– Но уж в стакане чистом – водку!

Сеанс крепчал! Майор, сигар, погон занял весь холст, как управдом, командует в своей парадной в костюме голубом парадном. А на второй картине тоже подмигивала Стервы хитрой рожа, воткнув в подрамник свои лапы. Не стыдно показаться папе, Собакину. А тот потел от «суки», спецмомента, тел. На третьем – вся дроздухинская бляха светилась словно гоевская Маха...

– Встать, смирно!

– Смирно, караул!

– На гаупвахте, подлецы – загул!

– Загулов, где вы?

– Ах вы, бляди, стервы!

Открыла Стерва пасть и показала зубы. Дроздуха думал, что Загулов дуба... Полковник Одинцов во всем величьи ворвался в дверь-проем во всех звездах обличьи!

– Сеанс! Бордель! Здесь – ателье! Спецтрест!

– Загулов, под домашний, под арест! И вы «собачьи» – десять суток вам на рыло! Вам слово боевого командира!

Вы трое, соберите кисти, лак! Поехали ко мне! Начальник ваш – мудак!

Завыла Стерва, у овчарки сдали нервы.

– Моей жены портрет!..

– За водку и консервы!

Владимир Загребя

Выстрел 35 – «Заправочный»

Пункт заправки водкою – вон под той лебедкою.

Выстрел 34 – «Чембогатый»

Воздухораздаточные краны

зализали перепоя раны.

Выстрел 33 – «Опорный»

«Опора башмака ноги», коль существуешь, помоги!

Выстрел 32 – «Шоковый»

Стеллаж для тяг и для подсосок

потряс тебя, мой недоносок!

Выстрел 31 – «Системо-пробный»

Куда ж ты гнешь свое «правило»?

Судьба и здесь воротит рыло!

Русские танки и танкетки

Выстрел 30 – «Тактический»

«Ближайшая задача» – в трусах томится сдача.

Выстрел 29 – «Системо-пробный»

Мое «выдвижное устройство»

подарит тебе удовольствие!

Выстрел 28 – «Порядочный»

«Глубина военного порядка»

– требует от блядей – беспорядка

Выстрел 27 – «Нахальный»

Опять меня снова надули

нахальные действия пули.

Владимир Загребя

Выстрел 26 – «Закусочный»

На гражданке твоя хата
служит «зоной перехвата».

Зап 25 – «Сладкая» жизнь

Майор Зверинцев ус потрогал белый и к Звягинцеву повернулся, вздрогнув телом:

– Учтите, что воскресники в субботу не воскресают, а, скорее, в жопу, дают нам всем ненужную работу. Мы в понедельник выгружали туши мороженные, мерзли души! Во вторник мы катали балки Галке, пришлось мне отменить вечерние «ебалки»; во среду, всю вторую среду перевозили блядей «деду»; в четверг приказом полковым, отчества был сладок дым, мы чистили и мыли до увечья в казарме заемерзающие печи, а с пятницы, в крикливую

субботу, опять две роты с песней вышли на работу!

Воскресники, субботники... воскреснешь? Здесь не воскреснешь, а, скорее, треснешь!

– Да, получается... не в жилу. То бочки с керосином, то подливу, то шестеренки к танкам, то бодягу. Танкист похож теперь на работягу! – сказал, вздохнув (уж больно невтерпёж), наш славный капитан Семен Васильич Нож.

– Похоже, как-то надо дать... «военному составу».

– Что? «Поддать»?

– Ну что вы, просто... отдохнуть!

В уставе ничего про отдых... ни, ни, ни... там только обязательства одни! Меня уставы как-то не колышут, – сказал Зверинцев, посмотревший дышлом. И вдруг веселый старшина Корейкин, которого все звали – Гонорейкин (несправедливость, право, как с

Русские танки и танкетки

Сальери – тоже, Сальери не травила. Моцарт загнулся сам. История вlepила же Сальери по «усам») зашел, смеясь, пахнув большой конфетой: Ребята, я сегодня с «эстафетой». Нам предложили новое бревно. – Бревно? – Нет, нет, не Ильича! То прогнило давно! И даже не «бревно», а так – «полено» дрожит от счастья все, что выше моего колена! Моя любовница Верунья, я думал бяда, чувиha, врунья, а оказалась баба. Во! Нас приглашает в воскресенье в Дурново. В воскресник собирать «поленья» и очень черные варенья! Семен Васильич, нужен Ваш доклад! Они запарились и просят высать роты на... псевдо-шоколадные работы. Всего на день, а после нас уж – музы, как лобят повторять холеные французы!

Зверинцев нервно поднял белый ус! Почувствовал майор, что жизнь пойдет «вприкус». Увидел он в шкафу могучей Лидки все плитки черные, но все же... плитки, плитки!

– Семен Васильич, дам тебе я роту, побрей, помой, и с ходу на работу! Воткни везде свой глаз и нож, и все, что сможешь, подытожь!

Ажиотаж был в роте дикий, все бились, мылись, стали дики, от складок брюк, воротничков, железных блях, лихих крючков... И над всем этим вился «Он» – зеленый дух – «Одеколон»!

– Гони машины, Силин, погружайтесь!

– Без шоколаду в роту не являйтесь!

– Меняй сегодня жизнь несладкую, на фабрику, в ремонте, сладкую! Раз повезло, везите дроги, как в песне, к этой недотроге...

Вся рота слушала: в глазах – то плитки шоколада, то у машины «сладкой» – «лада»! Но что-й-то резкий звук тревоги вдруг заметался у дороги.

– Тревога! – охнул, побледнел Зверинцев! Судьба оскалилась зверинцем. В казармы! 3 минуты! Автоматы! Все злобно прыгали чрез кузов – автоматы!

Лист «сладкий» вырван был из нашей книги жизни – лист «горький» был подложен нам Отчизной!

Владимир Загреба

Выстрел 24 – «Камерный»

То «казенник», то «камора»...

Не собрать с тобой прибора.

Выстрел 23 – «Системо-пробный»

Твои качающие части...

и все, пиздец, не стало части!

Выстрел 22 – «Упадоочный»

Я на тебя в чем был упал.

Когда не пью – такой завал!

Выстрел 21 – «Трансцендентальный»

«Зачисление навечно»

для пизды прошло беспечно!

Выстрел 20 – «Вокзальный»

Не давай свидания в «зоне ожидания»!

Русские танки и танкетки

Выстрел 19 – «Курортный»

Умолкла «зона связи» – мы принимаем грязи!

Выстрел 18 – «Представительный»

Своим тяжелым передком
ты можешь представлять партком!

Выстрел 17 – «Бутылочный»

Стрельба прямой наводкою
желательна под водкою!

Выстрел 16 – «Иступленный»

Разведка боем велась запоем.

Выстрел 15 – «Заводной»

Заведешься, бляха-муха!
Танку – в рог! Сержанту – в ухо!

Владимир Загреба

Залп 14 – Праздник «гусениц»

Сегодня вам до лампочки должно быть, – сказал Ефремов, положив газету. Была газета – «Красная звезда». А сам Ефремов был ее читатель, не просто воин. Зрячий-наблюдатель, начальником он был политотдела, отдела, при котором тело рубашку блядства навсегда одело. Дышал он духом «Красная Москва».

– Товарищи, на танковом «носу» уже подходит праздник части, и я решил вот к этому событию собрать героев нашего участия...

У всех частей великого гвардейства – свои гвардейцы важные в чести!

– Так, что у нас, перехожу к допросу. Ей, богу, есть, что снова потрясти.

– Савельев, потушите папиросу! Опять коптитедохлый «Беломор».

– Товарищ Кортиков, читайте, разрешаю!

– Вы, Кюхельбекер, приготовьте чаю!

– Где ваш, Загреба, головной убор?

– Итак, мы переходим на разбор. Товарищ старший лейтенант Хвостенко, что делаете вы в отдушине застенка? Докладывайте, что вы откопали?

– Из двадцати семнадцать – честно пали, живых осталось только три героя, точно, но судьбы их неясны, кровоточны! Синичкин Вячеслав Егорыч, двадцать седьмого года, сторож. Гремит медалями в парадной, но после той «закурсовой» дуги не следует искать на нем ноги, он – инвалид, и по приказу «топ»... в коляску – сел, ну, и по шпалам – в Чоп!

Доставить половину человека – ослабить наши танки века! Не «инвалидные коляски», а герои нам всем нужны, спросите лошадь Трои!

– Ну, хрен с ним!

– Оставляйте Чопу. Гоните остальных на праздник, в жопу!

Русские танки и танкетки

– Второй герой, наш богатырь разведки, по пьянке погорел на дохлой бляди Светке. Любил он эту блядь, набор костей гремучих, как говорят в Тамбове, до дремучей любил он эту блядь, но не предвидел папу. А папа Светы была не просто папа. Когда Скворцов узнал, осталось «дело», а «шляпа» тут вообще осталась ни при чем. Надеюсь, вы схватили, что при чем?

– Второй отпал. Можно подумать, кто-то... специально нам вредит. Вредителей работа! Под наши в праздник гусеничны танки бывших героев «подают» останки! Надеюсь, что майор Заначкин придет отдохнуть в свой полк, оставив дачку! Я сам ему бесплатный «литер» дам, а вдруг майор припрет мадам!

– И он ведь заслужил! Один на танке он в Засыповке держал двенадцать дней заслон!

– Товарищ подполковник, извините, ваш монолог висит на тонкой нити. Вчера мы получили телеграмму. Придется вам опять менять программу. Майор Заначкин Вячеслав Ильич уж не придет – «хлопнул» паралич! Его жена Заначкина Глафира майора ёбнула загушкой... вот фуфыра!

И вкрался здесь один смешной закон: кто был заслоном – отошел на слом! Под «гусеницей» этой новой вести Ефремов хватанул три раза «двести»... и голосом пропавшего полковника сказал:

«Убили, падлы, подполковника!»

Чтоб быть героем в нашей части – готовь заранее запчасти!

Выстрел 13 – «Гигиенический»

Почищу зубы, и в могилу,

я отвечаю командиру!

Владимир Загреба

Выстрел 12 – «Топорный»
«Огонь в накладку» и «в упор»
В «замок» я заложил топор!

Выстрел 11 – «Жеребчий»
К любви одна дорога
– стреножиться немного!

Выстрел 10 – «Пупеющий»
Отдал приказ: «Подай мне портупею!»
У' Янки между ног пупею!

Залп 9 – Мотылек

Комроты, Ефимов Семен Кузьмич,
приказал не думать ни о чем, а я не смог.
Я вспомнил Нинку в бане...
К пизде прижался желтый мотылек, а я не смог!

Русские танки и танкетки

Залп 8 – Питомец

Вчера Григорьев вдруг добыл спиртяги,
и мы решили выпить все до дна,
но Змеенчук, полковника питомец,
пошел и заложил два экипажа – 14 и 25-ый!
Сидим мы на «губе» и в мыслях – грех.
Вот выйдем – худо будет украинцу

Залп 7 – Каранд'аш

Старлей Петров, ну, что ты будешь делать, решил весь взвод оставить без обеда, поскольку Сашка пропустил проверку, все три машины – девять человек!

Конечно есть советские законы, но говорят, что в зоопарке, в Ленинграде, мохнатые и жуткие кошачьи жрут тоже мясо не всегда и вдоволь. Мы вспомнили какие-то «потемки», но это все же – не гнилое мясо, и отомстить поклялися

Петрову.

Савельев Саша спиздил где-то ручку, и почерком полковника Давида, военного «калекаря» полка, сообщил того беременной невесте (невесте лейтенанта Петровсяна – обидчика и нашего врага) не робея, что у Петрова нынче гонорей...

Владимир Загреба

Петров не дожил до звезды четвертой.

Савельев мается за нас в четвертом.

Я выменял немного анаши, на них тебе купил карандаши.

Пиши, певец! Страдай за «мясо» – стоит! И за хер тоже, если беспокоит. Вчера, я слышал, в штабе говорили, что мучился Вильям Шекспир за мясо!

Зап 6 – Над «Лондоном» туман

– Давайте, девочки, устроим нынче праздник, – с улыбкой, в темном кимоно, сказала Софья Пална Лабазник. Ее кобель Лев Саньч Самострел в бинокль на ларек томительно смотрел.

Над «Лондоном» туман, на «Лондоне» замок. Нет грусти горше нам, когда закрыт ларек!

А Софья Пална (в девичестве Лабазник, по мужу Самострел-Увязник) держала с пятерыми женами полка душевный разговор за кружкой молока!

– Поставим мы грибов и огурцов, счастливей не найдешь ты танковых отцов, – сказала Нюрочка Сырей, жених которой, капитан Пырей, в волосях с головы до пят, знаток и танков и опять, похоже, вышел на зверей.

Ее подружка Владислена Дожу (к Синичкину входила в «ложу»), наморщила на левой жопе кожу:

– Я думаю грибом и огурцом ты не утолишь, мать, твоих отцов, и вообще, всё танки, да всё танки... еще немножко от пизды твоей останутся руины да останки.

– Как можно, – взволновалась Катя Фикс, муж у которой подполковник Фикс играл на саксофоне-басе и часто Катю посылал к «ебасе», – Нельзя так откровенно говорить про

Русские танки и танкетки

то, что принято у нас таить. – Блеснула фиксой Катя Фикс, поставив, положив зачем-то на подружках букву «икс».

Полковника жена Варварова Светлана пила второе молоко сверх плана, делилась с капитаншей Керн, ужасно понимавшей и ценившей все то, что начиналось словом «хер», а также, что кончалось буквой «иксой».

– Я видела, как одевал он кортик. Ах, интуиция! Я знала – ждет абортик!

– При чем тут, дура, интуиция – все «кортики» ведут к абортам, круглолицая!

– Напрасно вы вмешались, «грибницы», вы говорите так, как говорят в столице: «О, сердце! Душ прохлады! Жар костей!» А сами вы от блядства до костей! Вы тоже, что и мы! Вы – танковые «бабы». А вас послушать – говорят «мадамь»!

– О чем вы, девочки? – Вдруг опустив бинокль, кобель Лев Саныч обратился монокль! Мадам Абазник, в жизни – Самострел, не выдержала этих острых стрел.

– Послушай, Саныч, поверни бинокль туда, куда с утра тебя позвал монокль!

– Не понимаю, – Катерины фикса уставилась на платье из журфикса. Да и вообще, Жорж Санд, куря совсем легко, любила под роялем пианиста.

– Вы про какого Жоржа... Ах, д'Антеса! Его любила тоже поэтесса! Ах, как любил наш Жорж ее журфиксы! Его Натальей заразили «фиксы»! – вступила капитанша в разговор, кокетливо пошевелив свой головной убор.

(Когда ты Керн, то понимаешь «керном», что жизнь ложится пред тобой одним сплошным громадным «херном»!)

– О чем они, – вдруг расцвела Светлана, хлебнув еще парное, что сверх плана. – Кто Жорж? Кто Санд? Кто Фредерик? Наталью... Теперь не разберешь, кто прихватил за «тальяю». Теперь не разглядишь за далью-даль – кого за жопу, за медаль!

– Какое святотатство, – вдруг на басы сказала Катя Фикс, вдруг вспомнив о «ебасы»!

– Так как же, девочки, грибочки иль перцовка? Мой «грибод» меня зовет «поцовка»,

Владимир Загреба

сказала, повернув красивое лицо, веселая вдова Белуга-Подлецо.

– Ну, что вы все о мясе, огурцах-перцовках, о Белугах-Подлецах. Мы же о празднике, чтоб были бы певцы, а не перцовку дули, подлецы! – сказала капитанша Керн сердито, скривив мордашку, живо, аппетитно. Ее подружка, что входила в «ложу», наморщила на правой жопе кожу.

– Нам не певцы нужны, а пивцы и селедка, – уперлась на своем белугая, – заводка! – Без водки на наш женский день – не затащить. Уйдут ведь в дребедень!

– А наша цель устроить женский праздник, – напомнил просто Самострел-Абазник.

– Еще мы можем сделать торт «Катюшу».

– Помилуйте, когда аборт, я трушу.

– А в чем она была одета? – решила что-то молвить Света.

– Но пить мы будем! – взорвалась Ирена, решив решение вырвать «за рога». И Катя Фикс потупилась: «Ага!»

– О чем мы спорим, девочки, в глуши, где пьют мужчины водку «Камыши», где бабы, уходя под танковый «засол», готовят в бочках огурцы в рассол, где капитанша Керн, забыв свои варенья, все учит у плиты «свое» стихотворенье, где Софья Пална, по мужу Самострел, все ждет, все ждет с Амура важных стрел.

– Давайте, девочки, устроим нынче праздник, – с улыбкой в темном кимоно, сказала Софья Пална Абазник. Ее кобель Лев Саныч Самострел в бинокль на ларек томительно смотрел. Над «Лондоном» – туман. На «Лондоне» – замок. Нет грусти горше нам, когда закрыт ларек!

Русские танки и танкетки

Зал 5 – Кайзер

Майор Девяткин, а по кличке кайзер, ходил прямой и в бок усы торчали, решил отметить годовщину «Праги», свой Т-62, пришедший с капремонта, на пьедестал задумал затащить.

По ленинским заветам пьедестал ефрейтор Ветров из бетона сделал. И в ночь, когда готовился оркестр и красную дорожку из сукна готовил страшина Едреныйлук, у нас в полку случилось несчастье – пропал в пизду «Тройной Одеколон»...

– Что будем пить, – задумались ребята?

В магазине одни пустые полки, горят глаза, голодные как вошки. И даже паста им не по зубам!

Решились... Гришка Семечкин с Таганки, а с ним Куляко-Ксерокс из Тамбова, и третий – мастер нитки и иглы, который одевал и раздевал всех блядей Петербурга, собрались мотануть за двести километров в колхозный магазин за водкой иль «сырцом».

Весна была, и надо спиздить танк, ведь двести километров не игрушка! Тайга же все-ж, а не опушка, и утром всем идти на «пьедестал».

Рванулись через задние ворота, и «кайзеровский» зверь, которого студенты в Праге забрасывали камнем и дерьмом, ушел в тайгу.

Всю ночь дежурные по «парку» ждали десантников веселых аакоольцев...

В 1.00 притопал кайзер бравый, при кортике, как Брежнев, в орденах.

Где юбилар? – взревел майор, увидев пустую, но бетонную дорожку, на ней сидел спокойно кот Иван.

В 13.27 – звонок из медсанбата. Пиздец машине! Пьяные ребята! Ворвавшись в магазин, спирт быстро взят был с бою, забыли все к чертям танкисты с перепоею. Теперь

Владимир Загреба

всю жизнь на этом пьедестале наш кот Иван лежит на кошке Ляле!

Зап 4 – «Сулико»

Все началось обычно в этот день. Полковник Силин Владислав Петрович, с трудом привстав в своей двойной постели, устало потянулся еле-еле. Нагнулся к трехпудовой гире и кинул гирию, крякнув, в потолок.

Полковник наш был «трахнутый» немного, но трахнутый – не гирей, а в бою. Огромная, тяжелая болванка, в 44-м, сука, пиздорванка, шарахнула Петровича в «броню», а заодно в его тяжелый танк. Тридцать четверка охнула и встала.

Полковник Силин тоже встал не сразу, и после капитального ремонта, периодически контузией трясомый, пел Петрович песню «Сулико».

Он с дочерью своею нежной самкой, не с той, что обзывается «засранкой», прогуливался часто у ворот. Офицера, сержанты и старшины пред красотой надували шины своих грудей, машин и ягодиц. Никто не устоял, все пали низко ниц. Но падши всех, и выше всех, и ниже упал наш капитан Гогидзе Гога, который тоже запросто легко свистел поддатый то же «Сулико». Гогидзе Гога с серыми глазами, с усами Дон-Жуана и лицом бил всех повсюду, (неприятно модоу) притом он не был Гога подлецом!

У нас в полку грузинские ребята мешали русским (морда квадратата) любить яйцом!

Полковник встал, зачем-то «ахнув» гирию, размялся, крякнул, стал ломиться к дочке. О ужас! Запертая дверь скрывала сюрпризы, неожиданность, цветочки.

– Мария! Маша! Пиздорванка! Открой сейчас же, ебана засранка! И дверь вдруг, крякнув, грохнулась разбитой.

У Маши Силиной, насилу неумытой, от удивления открылась тихо пасть, не закричав, боясь слезы упасть, рукой прижав к груди горячей что-то... И окна настезь в доме, как ворота. Полковник ринулся к окна квадрату, подумалось, что он швырнет гранату, но,

Русские танки и танкетки

повернувшись к своей дочке белой, взглянул и различил, что заслоняет телом Мария Владиславовна собой бутылку, цвет грузинского вина, с какой-то этикеткой голубой!

Петрович заревел: «Давить грузинов!» И выскочил на плац в одном исподнем, рубашка и трусы на коммандире. Дежурному по танковому парку все показалось вдруг теперь запапку. Полковник прыгнул в танк «б2».

Взревел мотор, как в том – 44-м, (в восьмидесятом – не бывать абортам!), и вдребезги повисли ворота.

«Давить грузинов!» – заорал полковник, прибавив пару слов, как уголовник, ногой не дрогнувшей влупил на полный газ. «Давешь грузинов!» – пыл в нем не погас! Гогидзе есть, и был, но больше он не будет – Петрович пушкой Гогою добудет! И башню повернув слегка наискосок, дрожит, стучит, в пизду, полковничий висок.

До вечера грузинские ребята спасались от той морды красноватой.

Не трожь ты русского полковника – разбудишь, падла, уловника!

Потом уж, в санитарной части, под хлороформом, связанный на части, сказал Петрович тихо и легко: «Давить грузин под песню: «Сулико», ребята, право, очень нелегко!»

Зап 3 – Сапожники

Тревога, красные огни в казарме цветами разными вдруг вспыхнули зачем-то, и звук сирены резанул по уху. Синичкин – прыг и ноги в керзачи.

Не тут-то было, в три часа ночи, до этого борделя и бедлама, его приятели-мерзавцы – Евнухов и Грымзарь зашили на фиг черны голенища. Сирена, мат, за пять минут с оружием... Синичкин ничего не может босиком. Наматывай хоть на себя портянки, сирена режет по уху и в ухо. Синичкин – к автомату, слернул штгык и злобно снизу резанул кирзуху!

Владимир Загреба

Свои «оглобины» в полусапожки вставил, и молча в строй – сирены вой заставил.

Стоит и вспоминает про «гражданку», как соблазнял шесть лет одну гражданку!

Залп 2 – Бляха-муха

– Ну почему нельзя жить вместе, дружно? – Орефьев поднял к потолку глаза. Невинная, в полкулака слеза, катилась по щеке свободно и ненужно. Скандал вдруг разразился в нашем взводе. Веребников был, как всегда, на взводе. Орефьев же хотел играть на флейте Баха. Веребников вдруг потянулся к бляхе.

– Ах, сука, не хочу я слушать Баха!

Вдруг свистнула с звездой желтой бляха. На бляху налетела с ходу муха, и обе врезались в Орефьевское ухо!

– Душой не принимаю Себастьяна! – кричала матом рожа с пьяна.

– Но принимаю всех блядей в один присест. Для кур и дур готов всегда «насест»!

У нас – не музыкальный взвод, а – танковая рота. Играем Баха и поем, только когда охота!

Залп 1 – Последний «перекат»

– Когда подъедет он в своей роскошной «Чайке», на представление вы громко отвечайте: «Ура!» Тут встречный марш нам по ушам вдруг даст оркестр сводный. Капельмейстер – мордой! «Ура» кричать, как бьется вал подводный! Протяжно, чтобы с «перекатом», как вы рутаетесь в своей казарме матом! И глаз с меня не отводить, как с этой

Русские танки и танкетки

глыбы, – сказал, пустивши пар, наш командир Кондыба. Полковник крут был в жизни боевой и личной тоже. В офицерской говорили часто, что в «номерах» с полковничьей женой, неделями стоял протяжный вой!

– Чтоб «перекат» был, в мать и в бога душу! – сказал полковник и подвинул тушу!

– А если кто не будет «перекатом»! – и вдруг перекатился матом. Двадцать четыре танка, как игрушки, готовили к параду – башни, пушки, катки блестили, грелись дизеля. Кондыба дыбился и пузырился зря! Его приятель, капитан Злодей, оглядывал стремительно людей.

– Киргизов, на твоей «двадцатке» звездой перекосятся неполадки!

– Семенов, чтоб проверил снова связь, опять помехи, заводной карась! Ты с бабой также держишь на прямую связь?

На холоде четвертую неделю проходим мы «парадом-конды-беем»!

– Поехали! – вдруг рыкнул шлемофон.

– О, мать вашу! Двигайте, папаши! В «двадцать седьмом» ефрейтор Сильбейстон, закрыв ларингофон, пустил протяжный стон. Под грохот танкового лязга давленье масла падало развязно!

– Курейкин! – охнул шлемофон. – Шестьсот «кобыл» ворвались в горла фон!

– Давление падает!

– Давай ручным, держи! Попробуй только снизь, едреные моржи! Попробуй только захлебнуть, мой двигатель – я на тебя найду раздвигатель!

На головной машине, в башне, Кондыба жаждал генерала Шашли. Пока все шло, как по приказу. Пройдем парадную заразу. По нитке всё: пламегаситель, люки, все, как один к башке углом, воздеты руки, а после – академия, «прибавка», и к заднице веселая «добавка»! Прохладно. Пар от ртов и газа, стояли все под небом «керогаза»!

– Всем приготовиться! Горкомовская «Чайка» качала мордою. – Пора! Теперь

Владимир Загреба

встречай-ка! Злодей шипел в свой блядский «граммофон», – чтоб «перекатами!» Ура! На тон! На тон!

Кондыба дернулся большой своей «кондыбой», и, спрыгнув вдруг, зашевелилась дыба.

– Товарищ генерал, войска такого гарнизона... готовы для парадного сезона! Такой-то годовщины революции... готовы пасть костями... эволюции... готовы, если надо... каждый «дуба»... командующий такой-то... скоро генерал... Семен Иван... Поддуба!

И роты вдруг открыли пасть! «Ура» никак так не смогло упасть – такую рты туда вложили страсть!

И «Чайка» дернулась и крыльями и мордой поплаыла, покачавши зад, к своей трибуне остекленно гордой! Последний акт, последний путь, чтоб башни, пулеметы, перед трибуной «Пашлыка»... по нитке и по ноте! «Пашлык» стоял, подняв башлык, в барашке, в серой замше, вокруг него гудел народ от зама и до замши!

– Поехали! – ржанул Кондыба, и первая железная четверка рванулась с места. Из окна казармы Цветков пахнул в лицо себе махоркой! В «двадцать седьмом» опять стрела манометрово масла на цифре три задумалась, потрясла! А нужно шесть, а нужно шесть! На Сильбенстоне вдруг вспотела шерсть!

– Курейкин, падает давление, качаю!

– За дизель я не отвечаю!

– Боюсь «эффекта» я «Садата»! Перед трибуной встанем! – матом вдруг шлемофон рванул злодей, ворвался в разговор «на частоте» Злодей:

– В «27-ом» – мерзавцы, шлюхи, бляди..!

– Вы – левым быстро! Шевелитесь, дяди!

Двадцать четыре рослые машины давили все, что падало под шины, под гусеницы, танки, дизеля. «Пашлык», в своей барашком шапке вдруг вспомнил про свои военные замашки, и, оглянув «барашковую» свиту, в восторге тихо молвил – «Бля!» По нитке было все и по иголке!

«Двадцать седьмой», вдруг разорвав весь строй, рыкнув, вдруг встал, как «на постой»!

Русские танки и танкетки

Сработал здесь, увы, «эффект Садата» – решалась судьба Курейкина солдата, солдатов Сильбейстейна и Кондыбы!

Все на трибуне загудели дыбом:

– Под трибунал!

– Под танк!

– В Сибирь зараз!

– Сейчас же, здесь, я подпишу приказ!

А сам Кондыба, повернувши башни «триплекс», увидел наяву кошмар, апокалиплекс! И зарычал Кондыба, бросив злобно шлем:

– Уйду в запой сегодня насовсем!

Над всем над этим «перекатом» стояло – «Слово» громким матом!

Знают истину танки...

КАРМАННЫЙ ТАНКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Аксельбанты

Что-то знакомое, от чего веет «исторической неизбежностью»

Банник

Рабочий районно-прачечного комбината, у которого можно достать «Steinway» для Горовица

Бог войны

ТОТ, который решает судьбу войны

Блядь

Та, которая решает судьбу мира

Бляха

1. То, что всегда блестит на животе у военнослужащего;
2. Обращение к военнослужащей

БТР 8

Железный ящик для живого «тушечного» мяса

Русские танки и танкетки

8 марта

Женский праздник, на котором можно свободно получить желтую веточку мимозы,
а также... по морде

Валидол

То, что кладут под язык, когда хреново

В намордниках сыны

Караульные собаки...

Волокуша

Лист железа, который волочится по снегу за танком, и на котором сидит
десантная группа

Гусматик

В данном случае фамилия еврея-астматика, служащего в танковых войсках
в качестве писаря и принесшего «органам» свой орган

Джульетта

Единственная итальянская девушка 14-ти лет, с 16-го века не имевшая ни «оспь»,
ни «Веспь»

Владимир Загреба

Дембель

1095-й день воинской службы, после которого начинается гражданка...
«обломою» (см. ниже)

Симплекс

Односторонняя связь

«Симпозион» (*зреч.*)

Пир – парижское книжное издательство, за столом которого голодают
всего два человека: А.Хвостенко и В.Загреба

«Сияла ночь, тобой был полон сад...»

Очень популярный в свое время «садовый» романс

Спидометр

В данном случае прибор, измеряющий скорость движения

«Столичная»

То, к чему всегда тянется «загадочная» русская душа

Страшный гость

Собака полковника Огрейко, любившая хозяйское мясо больше,
чем «мясо» своей хозяйки

Русские танки и танкетки

Сургучный гриф

Секретная «царапина» на гербовой бумаге, залитая темной горячей массой, со штампом

Счастливый «миг»

Счастливый истребитель (МИГ-21), который зарабатывает «зелененькие», катая иностранных туристов, в отличие от прочих «мигов», которые несут и не катают

Тахометр

Прибор для измерения вращательных движений тела

Телескопический прицел

Телескопическая система наведения

Телескопическая при-цел-ка

То же самое, только вызывающее совсем другие ассоциации...

«Тройной одеколон»

Зеленая круглая банка одеколona, которым пахли почти все военнослужащие Советского Союза, кроме тех, кто был под «Шипром»

Владимир Загребя

Угол крена

Угол крена почти каждого прохожего в почти каждом городе

Угол хрена

То же самое «состояние», но совсем без угла...

Фауст-патрон

То, чем хотел бы владеть доктор Фауст во время своего постоянного
конфликта с Гете

Фельдъегерь

Старинное слово, которое имеет место в этой жизни

(не путать с фельдфебелем).

В наших вооруженных силах фельдъегерская связь – специальная связь между
войсками

Фаня Фишер

«Золотая» рыбка, которую, фиг, поймашь

Фу-ка-Кеси

Счастливый любовник, не доживший всего одного дня до конца «срока»

Русские танки и танкетки

Уй

Привычное русскому уху название... Небольшой городок в трех километрах от Парижа, где находится база командования французскими стратегическими подводными лодками

«Cosi fan tutti»

Свободный перевод оперы Моцарта «Все вы такие»

КОНЕЦ

(В КАКОМ СМЫСЛЕ?)

Другие книги автора

Летающий верблюд
Осколки забитого прошлого
Вмятина
Парижские загребарики

Другие книги
Владимира ЗАГРЕБНЫ:

«Летающий верблюд»

«Вмятина»

«Осколки забитого
прошлого»

«Парижские загребарики»

**АВТОР
О КНИГЕ,
КОТОРАЯ ПОПАЛАСЬ
ВАМ В РУКИ:**

**"ЭТО - взгляд на мир
юноши сквозь
смотровую щель
тяжелого танка...
мужская "Лолита",
работа... сдвиг по фазе,
вне семьи, вне дома, вне**

**тома, вне закона, только с некоторым
оттенком сладострастия, и в
определённой эстетике, при соблюдении
необходимой диеты... и униформы.
Книга неприличная, но целомудренная".**

Vladimir ZAGREBA

RUSSIAN TANK(a)S & TANKETTES

Владимир ЗАГРЕБА

РУССКИЕ ТАНКИ И ТАНКЕТКИ

ISBN 978-0-557-01094-3

90000

ID: 4065780
www.lulu.com

9 780557 010943